Slavica Wratislaviensia CLXIII • Wroc³aw 2016 • AUWr No 3729

DOI: 10.19195/0137-1150.163.17

MARIA GIEJ
Uniwersytet Opolski, Polska
mgiej@poczta.onet.pl

Тема старости в романе Гайто Газданова *Ночные дороги*

В 1939–1940 годах в журнале „Современные записки" публиковался третий роман Гайто Газданова под названием *Ночная дорога*; оно впоследствии было немного откорректировано, и сегодня произведение известно как *Ночные дороги*. Публикация романа была закончена 11 августа 1941 г. (произведение в „Современных записках" было опубликовано неполностью, отдельным изданием *Ночные дороги* вышли в Нью-Йорке в 1952 г.[1]). В связи с военными действиями роман остался практически незамеченным критиками, и только после публикации произведений Гайто Газданова в России в 90-е годы появился большой интерес к нему и серьезные исследования, в которых прежде всего обращалось внимание на сложную поэтику романа. Некоторые ученые искали в нем гоголевские образы[2], сравнивали романы Гайто Газданова и Эдгара По[3], другие описывали образ Парижа в данном произведении[4], кого-то интересовала судьба эмигранта[5].

[1] Н.Ю. Желтова, *Свое и чужое в романе Г.И. Газданова „Ночные дороги"*, „Вестник Томского государственного университета. Гуманитарные науки. Филология" 2012, № 1, с. 152, http://regioncentr.tsutmb.ru/files1/Publicacii/%D0%96%D0%B5%D0%BB%D1%82%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D0%93%D0%B0%D0%B7%D0%B4%D0%B0%D0%BD%D0%BE%D0%B2.pdf [доступ: 19.02.2015].

[2] Е.В. Изотова, *Гоголевские образы в романе Гайто Газданова „Ночные дороги"*, http://old.domgogolya.ru/storage/documents/readings/09/izotova_e_v_-_gogolevskie_obrazy_v_romane_gazdanova_nochnye_dorogi.pdf [доступ: 19.02.2015].

[3] В. Боярский, *Человек толпы на ночных дорогах. Эдгар Аллан По и Гайто Газданов*, „Перемены" 26.12.2013, http://www.peremeny.ru/blog/15958 [доступ: 19.02.2015].

[4] С.Р. Федякин, *Лица Парижа в творчестве Газданова*, [в:] *Возвращение Гайто Газданова*, ред. М. Васильева, Москва 2000, с. 40–57; А.М. Зверев, *Парижский топос Газданова*, [в:] *Возвращение Гайто Газданова*, ред. М. Васильева, Москва 2000, с. 58–66 и др.

[5] П. Козак, *Судьба эмигранта в романе Гайто Газданова „Ночные дороги"*, http://www.proza.ru/2014/06/01/1923 [доступ: 19.02.2015].

© for this edition by CNS

Работ, посвященных не только творчеству Г. Газданова, но и самому роману *Ночные дороги*, написано уже довольно много, но среди них нет ни одной, полностью посвященной анализу темы старости в данном произведении.

В 1923 году Газданов приехал в Париж, который стал для него впоследствии „новым домом". В произведениях 1920-х–начала 1940-х годов, в том числе и в романе *Ночные дороги*, главный герой — носитель русского сознания. Поэтому в начале исследования стоит определить, чем в сознании русского человека является старость. В *Словаре русского языка* С.И. Ожегов дает следующую характеристику: „старость — период жизни после зрелости, в который происходит постепенное ослабление деятельности организма"[6]. Под старостью понимают „возрастной период в жизни организма, неизбежно наступающий за зрелостью и характеризующийся существенными обменными, структурными и функциональными изменениями в органах и системах, ограничивающими приспособительные возможности организма. Период старости у людей 75–90 лет (св. 90 лет — долгожители)"[7]. Таким образом старость связана прежде всего с возрастом человека и его физическим состоянием.

Можно также заметить, что в русском сознании существуют устойчивые ассоциации старости с типичными биологическими признаками старческого возраста: с сединой, морщинами, с худобой, дряхлостью, отсутствием зубов; кроме того старость всегда связана с заботами, болезнями, смертью, а также оличается типичным поведением пожилого человека. Старость ассоциируется с чем-то неприятным, с бедствиями, с увяданием. Это подтверждают также русские пословицы и поговорки: „Старостью не стар, только с лихости пропал", „Старость с добром не приходит", „На старого и немощи валятся", „Старость придет — веселье на ум не пойдет", „Старость не радость", „Старость приходит не с радостью, но со слабостью" и другие. Можно столкнуться с такими определениями „старости", как: „осень жизни", „обочина жизни", „породия жизни", „время доживания" и т.д.

К теме старости неоднократно обращался в своем творчестве и Гайто Газданов, чаще всего рассматривая старость в контексте смерти и смысла жизни. Знаменателен в этом плане роман писателя *Ночные дороги*. В начальном эпизоде, которого рассказчик описывает момент, пробудивший в нем „ненасытное стремление непременно узнать и попытаться понять многие чужие […] жизни"[8]. Это случилось, когда он во время работы ночным таксистом увидел инвалидную коляску:

---

[6] С.И. Ожегов, *Словарь русского языка*, ред. Н.Ю. Шведова, Москва 1982, с. 679.

[7] *Старость*, [в:] *Большой энциклопедический словарь*, http://russo.com.ua/bolshoy_entsiklopedicheskiy_slovar/page/starost.57898/ [доступ: 19.02.2015].

[8] Г. Газданов, *Ночные дороги*, [в:] *idem*, *Собрание сочинений в трех томах*, т. 1, Москва 1996, с. 463. В дальнейшем все цитаты приводятся по данному изданию, в скобках указывается страница.

© for this edition by CNS

> Я приблизился, чтобы лучше ее рассмотреть; в ней сидела закутанная, необыкновенно маленькая старушка; видно было только ссохшееся, темное лицо, уже почти нечеловеческое, и худенькая рука того же цвета, с трудом двигавшая руль. […] Куда могла ехать ночью эта старушка, почему она оказалась здесь, какая могла быть причина этого ночного переезда, кто и где мог ее ждать? Я смотрел ей вслед, почти задыхаясь от сожаления, сознания совершенной непоправимости и острого любопытства, похожего на физическое ощущение жажды. Я, конечно, не узнал о ней решительно ничего. Но вид этого удаляющегося инвалидного кресла… вдруг пробудил во мне то ненасытное стремление непременно узнать и попытаться понять многие чужие мне жизни, которое в последние годы почти не оставляло меня. Оно всегда было бесплодно, так как у меня не было времени, чтобы посвятить себя этому. Но сожаление, которое я испытывал от сознания этой невозможности, проходит через всю мою жизнь (463).

Герой (*alter ego* самого писателя) в этот момент не только захотел узнать, куда могла ехать глубокой ночью старушка, почему она оказалась в данном месте, но узнать и понять жизни других людей. Таким образом Газданов сформулировал свое писательское кредо — описывая жизнь людей, попытаться обнаружить в них общие закономерности и отыскать смысл жизни, которая является неумолимым движением к смерти.

Приведенный выше отрывок из романа показывает, что чисто внешне Газданов к теме старости относится стереотипно, пожилая женщина называется им „старушкой" и имеет весь набор общепринятых характеристик старости, прежде всего подчеркивается ее низкий рост и слабость: она „необыкновенно маленькая", с „ссохшимся темным" и „почти нечеловеческим лицом", худенькая и двигается с трудом. Все эти описания подчеркивают, что старость ассоциируется с увяданием, высыханием, человек словно уменьшается и темнеет, тем самым становясь незаметным для других. Человек становится слабым и беспомощным: старушка перемещается на инвалидной коляске, причем с трудом двигает руль, и ее передвижение по городу становится парадоксом, потому что она кажется неспособной к такому движению, что по Газданову означает — не способной к жизни. Человек в старости как бы перестает уже быть человеком, газдановская старушка „с уже почти нечеловеческим лицом" напоминает кого-то, кто готов в любой момент перейти в иной мир, кто стоит одной ногой в могиле, однако неожиданно для своего состояния демонстрирует удивляющую способность двигаться. Устойчивый мотив жизни как неотступного движения […] можно назвать одним из основных, структурирующих мироощущение писателя и его зыблющуюся художественную вселенную[9]. Следует отметить, что газдановское восприятие жизни как движения, путешествия, созвучно взглядам экзистенциалистов, а также буддийской философии[10]. Для Газда-

[9] С. Семенова, *Экзистенциональное сознание в прозе русского зарубежья (Гайто Газданов и Борис Поплавский)*, „Вопросы литературы" 2000, № 3, с. 84.

[10] См. M. Giej, *„...я видел мир таким". Концепция действительности в товрчестве Гайто Газданова*, Opole 2008, с. 80–81.

© for this edition by CNS

нова жизнь — это движение, когда же движение прекращается, то жизнь заканчивается.

Внимания заслуживает также факт, что встречает рассказчик старушку глубокой ночью, что усиливает ощущение конца, перехода из светлой жизни (молодости) в темную (старость-смерть), когда человек избегает не только общения, но и вообще появления в обществе. Он не только „отброшен" обществом, но и сам не хочет обращать на себя внимание этого общества. У Газданова старость часто связана не с возрастом, а с отчужденностью.

В начале романа автор вводит также несколько как второстепенных, так и главных героев пожилого возраста: это клиенты рассказчика (которых в связи со своей работой ночным таксистом он видел „такими, какими они были в действительности, а не такими, какими они хотели казаться" (466) и посетители большого кафе возле одного из вокзалов, в котором герой-повествователь по утрам пил молоко и „знал всех решительно, начиная с хозяйки […] до маленькой пожилой женщины в черном" (469).

Автор чаще всего не называет имена героев, говоря о них „почтенный седой человек" (466), „старая дама" (469), „пожилая женщина" (469), „пожилой мужчина" (473), „почтенный старик" (472), „худая старуха" (469) и т.д. По этим описаниям можно определить отношение повествователя к героям: к некоторым — положительное и уважительное, к разочаровавшим его или отталкивающим — негативное, а к не вызвавшим в нем особых эмоций — нейтральное. Кроме того рассказчик всегда добавляет краткую характеристику человека, указывая при этом на признаки старости: „это был […] **седой** человек" (466), „старик с **седыми** усами" (476), „**худощавый** пожилой человек с выражением неподдельной **тревоги** в глазах" (477), „**худая** старуха с **беззубым** ртом" (469), хозяйка, например, с трудом жевала сандвич „**вставными зубами**" (469). Следует заметить, что прежде всего автором обращается внимание на связанные со старостью физические недостатки и изменения в человеке, в том числе на проблемы с памятью („память стала сдавать", 475), и вообще со здоровьем: говорится, например, о том, что „однажды хозяйка [кафе] не работала около двух месяцев — у нее была язва желудка, она пролежала это время в кровати" (472).

Обычно понятие „старик"/„старушка" ассоциируется с мудростью, жизненным опытом, теплом, добром, бывает также, что вызывает отрицательные эмоции, поскольку существует стереотип „ворчливой/злой старушки". Повествователь романа *Ночные дороги* показывает читателю на примере ряда своих героев, что мудрость и жизненный опыт, порядочность, не всегда характерны для старости, поэтому он подчеркивает также и отталкивающие черты пожилых людей. Например, рассказчик описывает вышедшего из гостиницы Клэридж почтенного седого человека в прекрасном костюме, с хорошей сигарой, напоминавшего по виду директора банка (возможно он им и был), который на первый взгляд вызывает уважение, но позже оказы-

© for this edition by CNS

вается, что он его не заслуживает, так как не платит за курс, чем сильно разочаровывает водителя такси. Повествователь коротко описывает одну из постоянных клиенток кафе, обращая внимание на ее отталкивающую внешность: это была маленькая пожилая женщина в черном, „которая не расставалась с большой клеенчатой сумкой для провизии, она постоянно таскала ее за собой; ей было лет пятьдесят. Она обычно тихо сидела в углу, была всегда одна" (469). Больше всего рассказчика удивляет то, что эта женщина работает, как другие [проститутки], однако со временем он узнал, что „даже пожилые и неряшливые женщины имеют свою клиентуру и нередко зарабатывают не хуже других" (469). Вид пожилых людей для повествователя чаще всего отталкивающий и на первый взгляд скорее ассоциируется со „злой" старостью (например, хозяйка кафе в его глазах „по внешнему виду […] походила на любезную **ведьму**" (472–473)). Но в то же время, автор убеждает читателя, что нельзя людей оценивать по внешнему виду или занимаемому ими положению в обществе.

Повествователь не только описывает неприятный внешний вид пожилых людей, но также обращает внимание на ограниченность некоторых из них. Например, его поражает у одной из посетительниц кафе — „смертельно пьяной худой старухи с беззубым ртом" (469) — небогатый словарный запас, у него даже сложилось впечатление, что других слов, кроме „ни черта!", она вообще не знала или никогда их не употребляла, ее даже прозвали Ничерта. Можно заметить, что у героев романа, не вызывавших симпатии повествователя, обычно отталкивающая внешность.

Пожилые люди часто ведут себя неадекватно, на что обращает внимание автор, например, описывая случай, когда в кафе „какой-то худощавый пожилой человек с выражением неподдельной тревоги в глазах пробился сквозь толпу и стал просить мадам Дюваль, чтобы она разрешила ему вскарабкаться наверх, по одной из колонн кафе, — только до потолка и обратно […] только один раз…" (477).

Иногда о том, что герой — уже пожилой человек; автор не говорит непосредственно, а, например, называя его возраст („пятидесятилетний человек с Почетным легионом", 477), или вставляя такие определения как „долгий жизненный опыт" (482), „когда был молодым" (484), „ее последние шестьдесят три года" (473) и.д. Сегодня читателю может показаться странным, что автор *Ночных дорог* к старикам относит пятидесятилетних людей. Однако удивляться не стоит. Достаточно вспомнить о возрасте героев русской литературы. „Старику" Каренину, например, в начале романа было сорок шесть лет. Старухе-процентщице из романа *Преступление и наказание* было сорок два года. О матери Наташи Ростовой (которой было меньше пятидесяти) Лев Толстой в романе *Война и мир* пишет так: „Однажды вечером, когда **старая графиня** […] вздыхая и кряхтя…" Или о ней же: „…**трясясь всем телом**, засмеялась добрым, неожиданным **старушечьим** смехом". У А.С. Пушкина „старикам" еще меньше лет. Например, в *Евгении Онегине*

© for this edition by CNS

он пишет, что „Татьяна вышла замуж за старика генерала", которому было около тридцати пяти лет. С другой стороны, не следует забывать об уровне социальной старости. Средняя продолжительность жизни во времена, описанные в романе *Ночные дороги*, была значительно ниже, чем в настоящее время (как в России — 32–58 лет, так и во Франции — 46–67 лет[11]). Поэтому нет ничего удивительного в том, что повествователем 63-летняя хозяйка кафе воспринимается не только как старушка, но и кажется ему „ведьмой".

Вообще мадам Дюваль — хозяйке кафе — Газданов уделяет достаточно много внимания. Для него она не только пожилая женщина, но прежде всего чрезвычайно характерный пример определенной группы людей, всю свою жизнь посвящавших зарабатыванию денег,

> трудившихся по шестнадцать часов в день, […] которые несмотря на одышку, изжогу, геморой и вообще почти отчаянное состояние здоровья, — все же продолжали работать из-за лишних тридцати франков в день; и если бы их чистый заработок опустился до двух франков, они все равно работали бы до тех пор, пока в один прекрасный день не могли бы встать с кровати, и это был бы их кратковременный отдых перед смертью" (473).

Хозяйка кафе в течение тридцати лет спала днем и работала ночью; днем ее заменял муж. У них не было детей и близких родственников, но они всю свою жизнь посвятили кафе, никуда не ездили и никогда не отдыхали. Хотя у них уже давно было очень крупное состояние, оставить работу они не могли. По мнению рассказчика, жизнь мадам Дюваль была загублена и совершенна по своей полной бесполезности, хотя сама хозяйка кафе так не считала, „ее жизнь казалась ей законченной и полной определенного смысла" (473). Мадам Дюваль была уверена, что „конец свой жизни она проживет спокойно — так, как будто теперешний ее возраст, ее последние шестьдесят три года были не концом, а началом ее жизни" (473). Таким образом, Газданов показывает отношение своих героев к жизни и в чем они видят смысл жизни. У некоторых всего одна мечта — „зарабатывать на жизнь" (474), чтобы потом перед смертью жить спокойно. Такие герои автору несимпатичны, ему ближе люди, умеющие рассуждать и анализировать происходящее, которые ценят прежде всего настоящее, не ограничиваются только до удовлетворения своих основных потребностей, которые не боятся перемен. По мнению повествователя, в возрасте шестидесяти трех лет предпринимать уже что-либо поздно, но менять надо. В старости люди подводят итог своей жизни, но, как подчеркивает Газданов, не у каждого достаточно смелости, чтобы признаться перед самым собой, что жизнь загублена, прожита бессмысленно, впустую. Такой отваги не хватает и хозяйке кафе. Для повествователя мадам Дюваль уже умерла, потому что ее жизнь слишком статична, в ней нет движения,

[11] См. *Ожидаемая продолжительность жизни*, https://ru.wikipedia.org/wiki/%CE%E6%E8%E4%E0%E5%EC%E0%FF_%EF%F0%EE%E4%EE%EB%E6%E8%F2%E5%EB%FC%ED%EE%F1%F2%FC_%E6%E8%E7%ED%E8 [доступ: 19.02.2015].

© for this edition by CNS

которое, по мнению Газданова, является основополагающей жизни. А сама жизнь — это неумолимое движение к смерти, после которой ничего нет.

Особого внимания заслуживает также другая героиня романа *Ночные дороги*: проститутка Жанна Ральди — самый старый женский персонаж произведения. Читатель знакомится с печальной историей жизни героини — некогда известной всему Парижу, бывшей любовницы герцога Орлеанского и короля Греции, которая также побывала когда-то в разных странах: в Америке, Англии, Испании, России. В пожилом возрасте она вынуждена зарабатывать на жизнь проституцией и передвигается по ночному городу. Что интересно, Ральди относится к людям некогда богатым (у нее был дом на улице Ренненкен, замок в Аиль д'Авр), но попавшим в нищету: когда-то она была известнейшей дамой полусвета и владела состоянием в двадцать миллионов франков, но оказалась на самом дне, ей даже нечем заплатить за чашечку кофе. Ральди объясняет рассказчику свое нынешнее плачевное состояние тем, что „страсть сильнее всего". Жанна Ральди представлена в романе как женщина умная и проницательная, у нее довольно „снисходительная и примирительная" (505) собственная философия, которая особенно отчетливо проявляется в следующем эпизоде романа:

> она не очень высоко ценила людей, но считала их недостатки естественными. Когда она сказала это мне, я заметил, что весь огромный ее опыт касался, в сущности, только одной категории людей, действительно ничтожной, людей, которые посещают полусвет — жеманная глупость этого выражения всегда раздражала меня, — дома свиданий, специальные ночные кабаре, содержат актерок и танцовщиц и в которых нет ничего, кроме душевной и физической дряблости и всего того же, всепобеждающего дурного вкуса. Она слушала то, что я говорил, смотря на меня насмешливо-нежным взглядом.
>
> — Ты бы хотел все это уничтожить? Взорвать?
>
> — Нет, но если бы это исчезло, об этом не стоило бы жалеть.
>
> Она покачала головой и сказала, не переставая улыбаться, что это не есть особенная категория людей.
>
> — Что же это такое?
>
> — Известная степень благосостояния, и если бы ты его достиг, ты, даже ты, наверное, был бы таким же, как они.
>
> — Никогда, — сказал я.
>
> — Я бы надеялась на это, — вставила она, но я бы не ручалась (505–506).

Жанна Ральди обладает своего рода „таинственной харизмой" и вызывает у рассказчика исключительный интерес: на протяжении всего романа он пытается раскрыть ее тайну. К этой героине у автора намного больше уважения, чем к мадам Дюваль.

В романе *Ночные дороги* тема старости и отношение к ней, размышления о смысле жизни отражены в основном в истории старухи-хозяйки привокзального кафе, истории проститутки Ральди, старика-шофера, пытавшегося летать и так далее. Но вдруг, словно обрывок из уже прозвучавшей мелодии через много страниц, появляется воспоминание о маленькой нищей старушке „из благородных", которая пела на уличном перекрестке в Севастополе двадцатого года:

© for this edition by CNS

Я остановился однажды, чтобы разобрать, наконец, что она поет. Слабым старческим голосом она тянула нараспев:

Мой миленький дружок,
Любезный пастушок...

Это было на Приморском бульваре, была прекрасная погода, под вечер, за морем садилось солнце, на рейде стоял английский крейсер „Мальборо". Я на секунду закрыл глаза и быстро пошел дальше. Никакая прочитанная книга, никакой результат длительного изучения не могли бы обладать такой убедительностью, как этот жалобный, умирающий в солнечном и юном великолепии отклик давно умолкнувшей и исчезнувшей эпохи. И мое воображение рисовало мне картины, относящиеся к молодости этой женщины, создавало вокруг нее целый мир, неверный расплывчатый, но бесконечно очаровательный и от которого не осталось ничего, кроме этой мелодии, похожей на тихую музыку из могилы, на кладбище в летний день, в тишине, прерываемой только жужжанием насекомых (493).

Повествователь не только видит перед собой образ старушки, но и вспоминает чувство, испытанное им в эту минуту и неоднократно стеснявшее его потом — ему становилось трудно дышать и было стыдно за то, что он молод, здоров и сыт, а они стары, больны и голодны. В этом невольном сопоставлении для него было что-то бесконечно тягостное и он испытывал страдание.

Следует подчеркнуть, что все герои „сравнительно небольшого по объему романа, обладают чертами индивидуальными, точно свхаченными и выраженными наблюдательным взором художника"[12] и что тема старости для Газданова — это прежде всего возможность порассуждать о смысле жизни и смерти, показать контраст между ограниченностью, краткостью, видимой бессмысленностью обыденного существования и переживанием в этой жизни красоты моря, музыки и т.д., это также возможность вернуться воспоминаниями к исчезнувшей эпохе, молодости. Обращение к теме старости у Газданова — это также своеобразный гимн жизни. Старость, за которой следует смерть, не означает отречения от жизни. И если в начале романа писатель описывает старушку, находившуюся уже на грани жизни и смерти, то заканчивает он роман рождением ребенка Сюзан, тем самым утверждая жизнь: старость (старое) уступает место новой жизни (новому, молодому), а жизнь продолжается.

Библиография

Giej M., *„... я видел мир таким". Концепция действительности в творчестве Гайто Газданова*, Opole 2008.

Боярский В., *Человек толпы на ночных дорогах. Эдгар Аллан По и Гайто Газданов*, „Перемены" 26.12.2013, http://www.peremeny.ru/blog/15958.

Газданов Г., *Ночные* дороги, [в:] *idem*, *Собрание сочинений в трех томах*, т. 1, Москва 1996.

[12] Н.Д. Цховребов, *Гайто Газданов. Очерк жизни и творчества*, Владикавказ 1998, с. 88.

© for this edition by CNS

Желтова Н.Ю., *Свое и чужое в романе Г.И. Газданова „Ночные дороги”*, „Вестник Томского государственного университета. Гуманитарные науки. Филология” 2012, № 1.

Зверев А.М., *Парижский топос Газданова*, [в:] *Возвращение Гайто Газданова*, ред. М. Васильева, Москва 2000.

Изотова Е.В., *Гоголевские образы в романе Гайто Газданова „Ночные дороги”*, http://old.domgogolya.ru/storage/documents/readings/09/izotova_e_v_-_gogolevskie_obrazy_v_romane_gazdanova_nochnye_dorogi.pdf.

Козак П., *Судьба эмигранта в романе Гайто Газданова „Ночные дороги”*, http://www.proza.ru/2014/06/01/1923.

Ожегов С.И., *Словарь русского языка*, ред. Н.Ю. Шведова, Москва 1982.

Ожидаемая продолжительность жизни, https://ru.wikipedia.org/wiki/%CE%E6%E8%E4%E0%E5%EC%E0%FF_%EF%F0%EE%E4%EE%EB%E6%E8%F2%E5%EB%FC%ED%E%F1%F2%FC_%E6%E8%E7%ED%E8.

Семенова С., *Экзистенциональное сознание в прозе русского зарубежья (Гайто Газданов и Борис Поплавский)*, „Вопросы литературы” 2000, № 3.

Старость, *Большой энциклопедический словарь*, http://russo.com.ua/bolshoy_entsiklo-pedicheskiy_slovar/page/starost.57898/.

Федякин С.Р., *Лица Парижа в творчестве Газданова*, [в:] *Возвращение Гайто Газданова*, ред. М. Васильева, Москва 2000.

Фрумкина М., *Поэтическая проза Гайто Газданова в свете русской классики*, „Русский переплет”, http://www.pereplet.ru/ohay/gazdan08.html.

Цховребов Н.Д., *Гайто Газданов. Очерк жизни и творчества*, Владикавказ 1998.

A theme of old age in the novel *Night Roads* by Gaito Gazdanov

Summary

In his literary works, Gaito Gazdanov — a representative of a younger generation of the first wave of Russian émigré writers — has made frequent references to the theme of old age. Very often he analyzed the old age in the context of the meaning of life and death. His novel “Night Roads” is essential in this respect as the theme of old age and the attitude thereto is presented against the backdrop of the experiences of an owner of a cafe, a prostitute Raldi and an elderly cab driver. The protagonists possess specific individual traits precisely described by the narrator.

The theme of old age provides, first and foremost, an opportunity to discuss the meaning of life and death, to present the dichotomy between limitations, senselessness of human existence, on the one hand, and experiencing the beauty of nature, music etc., on the other. This provides an opportunity to recollect the past, notably the young age. This resembles a hymn to life. The story starts with a description of a life of an elderly woman on a wheelchair and finishes with a description of a newborn infant: this way the young (new life) supersedes the old, and life goes on as before.

Keywords: Gaito Gazdanov, theme of old age, Russian émigré literature, first wave of Russian émigré writers

© for this edition by CNS

Temat starości w powieści Gajto Gazdanowa *Nocne drogi*

Streszczenie

Do tematu starości niejednokrotnie zwracał się w swojej twórczości przedstawiciel młodszego pokolenia pierwszej fali emigracji rosyjskiej, Gajto Gazdanow, najczęściej rozpatrując starość w kontekście sensu życia i śmierci. Ważna w tym zakresie jest powieść *Nocne drogi*, w której temat starości i stosunek do niej zostały zrealizowane głównie w historii właścicielki kawiarni, historii prostytutki Raldi, staruszka-kierowcy itd. Wszyscy bohaterowie mają cechy indywidualne, precyzyjnie uchwycone i wyrażone przez narratora.

Temat starości dla Gazdanowa to przede wszystkim możliwość rozważania o sensie życia i śmierci, pokazania kontrastu pomiędzy ograniczonością, bezsensem istnienia i przeżywaniem w tym życiu piękna przyrody, muzyki, możliwość powrotu we wspomnieniach do minionej epoki, do młodości. Jest to swego rodzaju hymn życia. Powieść zaczyna się od opisu staruszki na wózku inwalidzkim, znajdującej się na granicy życia i śmierci, a kończy narodzinami dziecka: starość (stare) ustępuje miejsce młodemu (nowemu), a życie trwa dalej.

Słowa kluczowe: Gajto Gazdanow, temat starości, rosyjska literatura emigracyjna, pierwsza fala rosyjskiej emigracji

© for this edition by CNS